

Изъ дневника публициста.

LXIII.

Нашъ народъ у Чехова.

Прошлый разъ я сдѣлалъ довольно длинное введеніе, поясняющее значеніе сочиненій Чехова въ нашей народнической беллетристикѣ; сегодня приступимъ къ самой повѣсти „Въ оврагѣ“.

Дѣйствіе разсказа происходитъ въ селѣ Уклеевѣ, лежащемъ въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны только колокольни и трубы ситцевыхъ фабрикъ. Въ немъ не переводилась лихорадка, и была теплая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами. Здѣсь всегда пыло фабричными отбросами и укусуной кислотой. Фабрики—три ситцевыхъ и одна кожевенная—находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль; занято на нихъ было около четырехсотъ рабочихъ. Во всемъ селѣ былъ только одинъ-два порядочныхъ дома, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ, двухэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ Григорій Петровъ, мѣщанинъ. Онъ держалъ бакалейную лавочку, но это только для вида; на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ, чѣмъ придется и, когла, напримѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копѣекъ; скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый. У него было два сына. Старшій, Анисимъ, служилъ въ полкѣ, въ сыскномъ отдѣленіи, и рѣдко бывалъ дома; младшій Степанъ пошелъ по торговой части и помогалъ отцу, но настоящей помощи отъ него не ждали, такъ какъ онъ былъ слабъ здоровьемъ и глухъ. Его жена Аксиныя красивая, стройная женщина ходила въ праздники въ шляпкѣ и съ зонтикомъ; рано вставала, поздно ложилась и весь день бѣгала, подбравъ свои юбки и грея ключами,—то въ амбаръ, то въ погребъ, то въ лавку, и старикъ Цыбукинъ глядѣлъ на нее весело; глаза у него загорались и въ это время онъ жалѣлъ, что въ ней женился не старшій сынъ, а младшій, глухой, который, очевидно, мало смысляетъ въ женской красотѣ.

У старика всегда была склонность къ семейной жизни, и онъ любилъ свое семейство больше всего на свѣтѣ, особенно старшаго сына и невѣстку. Аксиныя, едва вышла замужъ, какъ обнаружала необыкновенную дѣловитость и уже знала, кому можно отпустить въ долгъ, кому нельзя, держала при себѣ ключа, не доверяла ихъ даже мужу; шелкала на счетахъ, заглядывала лошадямъ въ зубы, какъ хорошій мужикъ, и все смѣялась или покрикивала; и что бы она ни дѣлала, на говорила, старикъ только умилался и бормоталъ:

— Ай-да невѣстуха! Ай-да красавица, матушка!

Онъ былъ вдовъ, но черезъ годъ послѣ свадьбы сына не выдержалъ и самъ женился. Ему нашли за тридцать верстъ отъ Уклеева дѣвушку Варвару Николаевну, изъ хорошаго семейства, уже похмилую, но красивую, видную. Едва она поселилась въ комнату, въ верхнемъ этажѣ, какъ все въ домѣ просвѣтлѣло, точно во всѣ окна были вставлены новыя стекла. Варвара нашла „непорядкомъ“ холостого Анисима и его женили на красивой бѣдной дѣвушкѣ изъ подгородней деревни—Липѣ. Она съ матерью раньше ходила на поденщину... Но вотъ сыщика поймали въ выдѣлкѣ фальшивой серебряной монеты, сослали въ Сибирь; Липа осталась у свекра. Послѣдній относился къ ней ласково, а Варвара, предчувствуя какъ-то смерть старика, когда тотъ опасно заболѣлъ, побудила его опезпечить какъ-нибудь годовалаго внука, сына Липы—Накафора. Старикъ позвалъ Липу, приласкалъ ее и потомъ, съѣздивъ вскорѣ въ городъ, занялся на внука небольшой земельный участокъ. Этого было достаточно, чтобы мѣтившая на ту же землю Аксиныя пришла въ ярость и въ порывѣ укусуной домашней драмы обзавилъ кляпикомъ мальчишка, который вскорѣ и умеръ. Старикъ отъ всѣхъ этихъ неурядицъ обрадовался, Аксиныя выгнала Липу изъ дому, егѣ же окончательно обезличила слезомъ, стала во всемъ ползкой госпожей.

Вотъ, собственно, все основное эпизодическое содержаніе повѣсти. Все такъ, повидимому, обиходно, такъ изурядно... Но это только до тѣхъ поръ, пока мы не станемъ разбираться въ истинныхъ характерахъ, въ описаніи деревенской жизни, ея обстановкѣ. Центр тяжести именно въ этомъ...

„Въ оврагѣ“—мастерская картина той чисто-русской буржуазіи, которая должна быть признаваема чуждой, чуждой цар-

ствомъ, не похожимъ уже на старое „темное царство“, талантливо описанное такимъ художникомъ, какъ Островскій, и въ некоторыхъ чертахъ Боборыкинымъ. Это новое темное царство составляютъ разбогатѣвшіе заводчики и торговцы изъ мѣщанъ и крестьянъ, по своей социально-психологической складкѣ рѣзко отличающіеся отъ героевъ Островскаго. Въ противоположность старому купечеству, новая крестьянско-мѣщанская буржуазія не обладаетъ еще никакимъ прошлымъ, не связана съ нимъ вѣковыми традиціями, если хотите—неоформлена, безпринципна. Каждый, наблюдающій прежнихъ Кить Китичей, встрѣчаетъ въ нихъ извѣстныя убѣжденія, понятія, которыя, независимо отъ своего положительнаго достоинства и цѣнности, все-таки, всегда суть убѣжденія, понятія. У нихъ нравы грубы, жестоки, подчасъ скотски, но все же нравы. Новая буржуазія ни убѣжденій, ни понятій, ни нравовъ, сколько-нибудь специфическихъ, себѣ именно и присущихъ, не имѣетъ,—это просто разнузданный инстинктъ. Изображая купечество, наша литература отмѣчала и изобличала его дикія понятія, умственную тьму, невѣжество, самодурство. Выводя кулаковъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, она почти всегда изображаетъ людей, потерявшихъ совѣсть, натуры безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ. Новая повѣсть Чехова все это, пожалуй, подтверждаетъ, но не только подтверждаетъ, а какъ и всегда, вкладываетъ и кое-что новое.

Прежде всего Цыбукинъ—человѣкъ, не потерявшій совѣсть окончательно: въ немъ инстинкты хищника и прирожденная жестокость не порвали остальныхъ струнъ человеческой души; онъ у него отзываются иногда на прикосновенія смычка...

Если вы, читатель, сейчасъ пропустите мысленно мимо себя всѣхъ тѣхъ „кулаковъ“, которыхъ вамъ приходилось встрѣчать въ нашей новой литературѣ, то, несомнѣнно, сдѣлаете выводъ, что всѣ эти люди прежде всего вампиры, съ какимъ-то скрытымъ удовольствіемъ сосущіе кровь „опаемаго“ и „благодѣтельствуемаго“ ими ближняго, люди далеко незаурядные по уму и хитрости, сильные волей, несокрушимые, но сплошь и рядомъ злодѣи. Не таковъ новый кулакъ—Цыбукинъ: онъ простъ, наивенъ, зауряденъ и дѣйствуетъ по-человѣчески не въ силу побужденій злой воли, а просто такъ... Да, просто такъ, потому что окружающіе его люди—сами очень не мудреные, полные непосред-

ственности. Не даромъ же, говоря объ Уклеевѣ, Чеховъ отмѣчаетъ, казалось бы, такую пустую подробность, какъ отвѣтъ на вопросъ прохожихъ: „а что это за село?“—„Это то самое, гдѣ дядечка на похоронахъ всю икру съѣлъ“. Повторяю, казалось-бы, это такіе пустяки, на которые и вниманія обращать не слѣдуетъ, но на самомъ дѣлѣ тутъ много мысли. Какъ должна быть бѣдна уклеевская жизнь; какъ сами уклеевцы неразвиты и именно непосредственны, если изъ всего десятилѣтія, протекшаго со дня сѣдѣнія дядечкомъ поставленной на столъ икры, они помнятъ только это!... Это, дѣйствительно, такой оврагъ, такая низина человѣческаго состоянія!...

Таковъ, какимъ онъ нарисованъ, Цыбукинъ не потому, что у него злая воля, а потому, что онъ лишенъ элементарныхъ нравственныхъ понятій. Вотъ почему онъ и не золь, и не черствъ, и не жестокъ... Да жизнь народная и не вызываетъ современнаго кулака на жестокость. Народъ нашъ такъ пригнетенъ экономически, что онъ безъ всякой жестокости снесетъ все и вынесетъ... И посмотрите, какую чудную иллюстрацію къ этой мысли далъ Чеховъ меньше чѣмъ въ десяти строкахъ:

„Когда портнихи (шившія обновы къ свадьбѣ Анисима) кончили, то Цыбукинъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ утюжки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ совсѣмъ не нужны и, выйдя изъ села въ поле, стали на бугорокъ и стали плакать“.

Надобна-ли жестокость съ такими людьми? Для всесторонней обрисовки слага новаго типа кулака довольно характерна и слѣдующая подробность: „старикъ не любилъ, чтобы къ нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами; онъ ненавидѣлъ мужиковъ и брезговалъ ими, и если видѣлъ, что какой-нибудь мужикъ дожидается у воротъ, то кричалъ гнѣвно: — Что сталъ тамъ? Проходи дальше!“.

Но кулацкій міръ деревни на Цыбукинѣ, собственно, не кончается: у него есть такая помощница, какъ Аксинья, къ характеристикѣ которой мы и переходимъ.

Цѣнилъ ее Цыбукинъ такъ же, какъ всякій „хозяйственный“ мужикъ цѣнитъ сильнаго, проворнаго рабочаго члена семьи—чувство безусловно не этического характера. Это, если можно выразиться, любовь экономическая. Стенатъ, младшій сынъ, глухой и болѣзненный, потому и не

любимъ особенно отцомъ, что онъ плохой помощникъ, плохой работникъ. И дѣйствительно, Акинья вся — жизнь. Съ раннего утра она уже на ногахъ, съ раннего утра она хлопочетъ о своемъ и свекра благостояніи. Но и она не была злодѣйкой, вампиромъ, кровопійцей, понамавающимъ, что онъ дѣлаетъ не хорошо. Нѣтъ, подобно хищному звѣрю, Акинья, какъ и Цыбукинъ, не признавала своей хищности и были увѣрены, что на ихъ мѣста иначе поступать нельзя, выражая это всегда одной и той же приговоркой: „кто къ чему приставленъ“... Въ справедливость такого рѣшенія жизненныхъ задачъ и обязанностей оба они вѣрили твердо. У Акиньи и глаза были сѣрые, наивные, рѣдко мигающіе, и на лицѣ постоянно играла наивная улыбка. Но въ этихъ немигающихъ глазахъ и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то змѣиное; зеленая, съ желтой грудью, съ улыбкой, она глядѣла, какъ весной изъ молодой ржи глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову... И въ оцѣнкѣ нравственного нутра такихъ людей масса всегда ошибается: ихъ змѣиные, хищные дѣйствія она принимаетъ, какъ показатель ихъ безнравственности, тогда какъ этихъ людей надо оцѣнивать снисходительнѣе: весь центръ тяжести въ томъ, что они сами не понимаютъ того, что дѣлаютъ...

Возьмите, напримѣръ, такой фактъ. Старикъ стало извѣстно, что сынъ его Анисимъ попался въ поддѣлкѣ денегъ. Онъ связалъ въ узелокъ всѣ полученные отъ сына на свадьбѣ блестящія монеты и отдалъ Акинью съ тѣмъ, чтобы та бросила ихъ въ колодезь. Легли спать, Акинья въ сараѣ. Ночью волновавшійся старикъ вышелъ на крыльцо.

— „Акинья! — позвалъ онъ. Ты здѣсь, что-ли?“

— Ну! — отозвалась она сердито.

— Я тебѣ давеча сказалъ, что-бъ бросила деньги въ колодезь. Ты бросила?

— Вотъ еще, добро — то въ воду бросать! Я косарямъ отдала...

— Ахъ, Боже мой! — проговорилъ старикъ и въ изумленіи, и въ испугѣ. Озорная ты баба!.. Ахъ Боже мой!..

Онъ всплеснулъ руками и ушелъ и пока шелъ все что-то приговаривалъ. А немного погодя, Акинья сѣла и вздохнула тяжело съ досадой, потомъ встала и, забравъ въ охапку свою постель, вышла.

Вѣдь, въ томъ, что она отдала косарямъ

фальшивыя деньги, нѣтъ, собственно, злого умысла; тутъ просто такое соображеніе: деньги хоть и фальшивыя, но получены какъ-бы настоящія, — чѣмъ-же мы виноваты, что онѣ таковыя, не пропадать же имъ... И, дѣйствительно, нашъ народъ часто никакъ не можетъ понять, что фальшивыя деньги нужно бросить: вѣдь, у него ихъ такъ мало; онѣ представляютъ въ его глазахъ такое огромное благо, олицетворяютъ такую силу, что самое понятіе „деньги“ никакъ не уважается съ понятіями „дрянн“, „мусоръ“... Акинья хотѣла быть хозяйственнымъ человекомъ — вотъ все ея преступленіе... Съ ея точки зрѣнія это — пустяки...

Даже тогда, когда Акинья какъ дикій звѣрь вставала для отстаиванія своихъ собственныхъ интересовъ, она походила на звѣря и хищника только снаружи и не была имъ внутри себя... Послѣ того, напримѣръ, какъ она обварила сына Лизы, своего непосредственного соперника на владѣніе раньше еще намѣченнымъ участкомъ земли, она прошла изъ кухни въ домъ молча, со своей прежней наивной улыбкой...

Сначала это ужасное звѣрство кажется намъ потому ужаснымъ, что мы забываемъ, что въ моментъ совершенія его Акинья похожа на хищнаго животного, перегрызающего горло своему сопернику и лишенаго нравственного чувства или совѣсти или въ значительной степени... Вѣдь, злодѣи не всѣ, совершающіе злодѣйскіе поступки, а только тѣ изъ нихъ, кто понимаетъ всю глубину своего звѣрства... Акинья его не понимаетъ и потому-то гордится, какъ бы хвастается тѣмъ благополучіемъ, которое нажито и добыто сквозь слезы ближняго. Какъ характерно короткое замѣчаніе Чехова о костюмѣ Акиньи на похоронахъ: „по случаю похоронъ она была одѣта во все новое и напудрилась“... Неужели она могла рисоваться своимъ злодѣяніемъ?.. Очевидно, нѣтъ, потому что данныхъ для такого предположенія авторъ никакихъ не выставилъ.

Хотя тутъ характеристика Акиньи еще не вся, но стѣсненный мѣстомъ, и долженъ сегодня покончить съ вею до слѣдующаго раза.

LEMON.